

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-105-111

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ КАТЕГОРИИ СОБОРНОСТИ В РОМАНЕ М.Н. ЗАГОСКИНА «ЮРИЙ МИЛОСЛАВСКИЙ, ИЛИ РУССКИЕ В 1612 ГОДУ»

Гришина А.Б.

Пензенский государственный университет

440026, Пензенская область, г. Пенза, ул. Красная, д. 40, Российская Федерация

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме художественной реализации категории «соборности» в русском историческом романе «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году». Гражданское единение в романе М. Загоскина основывается на православном единстве, чувство патриотизма приобретает форму религиозного, защита Отечества понимается как борьба за православие, соборное сознание обеспечивает сакрализацию национальных общественных идеалов. В статье последовательно прослеживается воплощение «соборности» на уровне «евангельского текста» романа, выявляется детерминирование ею образов духовенства и православного народа.

Ключевые слова: «соборность», русский исторический роман, патриотический идеал, сакрализация, образы духовенства.

ARTISTIC REALIZATION OF THE COLLEGIALLY CATEGORY IN THE M. ZAGOSKIN'S NOVEL "YURI MILOSLAVSKY, OR RUSSIANS IN 1612"

A. Grishina

Penza State University

Krasnaya St., 40, Penza, Russia, 440026

Abstract. This article is devoted to a problem of artistic realization of the concept «collegiality» in the Russian historical novel «Yuri Miloslavsky, or Russians in 1612». The civil unity in the M. Zagoskin's novel is based on orthodox unity, patriotism takes a form of the religious one, defence of the Fatherland is understood as fight for Orthodoxy, the consciousness of collegiality provides a sacralisation of national public ideals. The article has consistently traced the embodiment of the concept «collegiality» at the level of the system of images and «the gospel text» of the novel, and revealed its determination of images of clergy and Orthodox people.

Keywords: «collegiality», Russian historical novel, patriotic ideal, sacralisation, images of clergy.

В конце XX века в отечественном литературоведении отмечается повышение интереса к исследованию категории соборности в русле изучения духовного потенциала и ценностного характера русской литературы, сформировавшейся в русле православной традиции [2; 10; 11]. Сама философско-эстетическая категория соборности в данном ключе понимается как начало, несущее хри-

© Гришина А.Б., 2016.

стианский код русской литературы и художественно реализуемое на разных уровнях содержания и формы произведения.

Само понятие соборности было выработано А.С. Хомяковым в рамках его концепции о Церкви как духовном организме, все члены которого органически соединены друг с другом и сохраняют в рамках этого единства свою индивидуальность и свободу, благодаря бескорыстной и самоотверженной любви. По его убеждению, именно православная соборность является важнейшей категорией, которая представляет целое исповедание нашей веры и служит фундаментом становления российской цивилизации [1].

Согласно новейшему философскому словарю А.А. Грицанова, соборность – это свободное единство членов Церкви в деле совместного понимания ими правды и свободного отыскания пути к спасению, единство, основанное на единодушной любви к Христу и божественной праведности [7, с. 630].

Идеал соборности предполагает наличие единых абсолютных ценностей, в качестве которых в русском государстве выступали – Бог, Царь и Отечество, поэтому именно соборность можно считать одним из главных условий национального единства и создания мощной русской державы. А художественное воплощение известной формулы «Православие, Самодержавие, Народность», отражающей соборные ценности русского народа, имело место в вершинных произведениях исторической прозы XIX века, и в особенности в исторических романах М.Н.Загоскина [14].

Религиозное происхождение самого понятия соборности как единения

людей во Христе [4] определяет основные способы художественного воплощения данной идеи в романе М. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году», потому что детерминирование ею образов духовенства и православного народа в романе представляет особый интерес.

Впечатляющую картину подобного единения народа описывает М.Н. Загоскин в 4 главе 2 части романа: «В самом деле, все многолюдное собрание народа составляло в эту минуту одно благочестивое семейство; не слышно было громких восклицаний: проливая слёзы радости и умиления, как в светлый день Христов, все с братской любовью обнимали друг друга...» [3, с. 173]. Все граждане Нижнего Новгорода, от малых детей до ветхих стариков, «боаре и простолюдины, именитые граждане и люди равные», собрались к Лобному месту для организации ополчения, в тот день «раздался и прогремел по всей земле русской первый общий клик: «Умрем за веру православную и святую Русь!»» [3, с. 173].

Гражданское единение в романе оказывается неразрывно связанным с молитвенным. Автор описывает нижегородский молебен перед ополчением, свидетельствующий о единстве народного и религиозного сознания: «В эту минуту общего восторга разверзлись западные двери соборного храма Преображения Господня и печерский архимандрит Феодосий... вышел на городскую площадь. Народ расступился, весь духовный синклит взошёл на Лобное место. Раздался громкий благовест. Иереи запели собором: “Царю небесный! Утешителю, Душе истинный!” – и Минин, а вслед за ним все граждане преклонили колена» [3, с. 172].

Особую роль в этом единении играют представители духовенства, они выступают как бы средоточием соборной идеи, распространяя её благодатное действие с сугубо церковной среды, для которой она является органичной, на народно-патриотическое движение. «Единство веры и благодатное общение народа с епископами – преемниками апостольского служения – эти основы католической Церкви, на которые указывал ещё св. Игнатий Богоносец» [12, с. 45–51]. Именно благодаря духовной поддержке своих пастырей народ русский оказался способным противостоять польским захватчикам и бесстрашно выступить на защиту своего государства. Освящённое благословением народное ополчение приобретает свою незыблемую духовную основу, происходит внутреннее единение всего народа в стремлении к единственной святой цели – спасению «царства Русского»: «Когда ж, благословляя оружие христолюбивого войска, благочестивый архимандрит Феодосий, возведя к небесам взор, исполненный чистейшей веры, возгласил молитву: “Господи боже наш, боже сил! Сильный в крепости и крепкий во бранех...” – народ пал ниц, зарыдал, и все мольбы слились в одну общую, единственную молитву: “Да спасет господь царство Русское!» [3, с. 172].

Мир не только соборно воюет с противником, но и соборно молится об одолении врага и спасении России. Загоскин описывает нижегородский молебен не просто для воссоздания колорита эпохи. Именно в уста пастыря, архимандрита Феодосия, вкладывает он горячие молитвы и вдохновенные патриотические речи, которые тесно

переплетаются с фрагментами псалмов, что не просто возвеличивает сущность ополчения, но ставит его в один ряд с библейскими воинствами. Борьба за Отечество перерастает в романе в стояние за православную веру, и ополченцы понимаются уже не иначе, как «воины Христовы», избранные Господом для спасения «страждущей России»: «По окончании молебствия Феодосий, осеняя животворящим крестом и окропив святой водою усердно молящийся народ, произнёс вдохновенным голосом: “С нами бог! Разумейте языцы и покоряйтесь, яко с нами бог! Спешите, избранные господом, на спасение страждущей России! ... Воины Христовы! не жалеете благ земных: слава нетленная ожидает вас на земле и вечное блаженство на небесах» [3, с. 172].

По мысли А.С. Хомякова, верующий находит в Церкви «самого себя, но себя не в бессилии своего духовного одиночества, а в силу своего духовного, искреннего единения со своими братьями, со своим Спасителем» [13, с. 144]. Приводимое в романе песнопение «С нами Бог!» (торжественная песнь пророка Исаяи) в литургической символической «свидетельствует о духовной радости верующих, сознающих среди себя Бога-Еммануила» [9, с. 286]. Действительно, народ не просто сознаёт свою причастность к Божественному промыслу, но ощущает непосредственное присутствие Спасителя, ведь именно Его именует Святое Евангелие «Грядущим во Имя Господне»: «Грядите, верные сыны России! грядите во имя господне! На вас благословение всех пастырей духовных! За вас святые молитвы страдальца Гермогена!» [3, с. 172] Образ народа окончательно

сливается с образом незримого Спасителя, становится единым с Ним, отождествляется: «Кто против вас? Кто против господ сил?» [3, с. 172].

В силу того, что соборное сознание обеспечивает тесную связь между божественным и земным миром, происходит сакрализация национальных общественных идеалов. Потому чувство патриотизма в романе приобретает форму религиозного, любовь к родине сравнивается с врождённым стремлением души к райским обителям, рассматривается как составляющая этого чувства. Загоскин сопоставляет его проявление с небесным озарением, с пробуждением от сна земной жизни: «О, как недостаточен, как бессилён язык человеческий для выражения высоких чувств души, пробудившейся от своего земного усыпления! Сколько жизней можно отдать за одно мгновение небесного, чистого восторга, который наполнял в сию торжественную минуту сердца всех русских! Нет, любовь к отечеству не земное чувство! Оно слабый, но верный отголосок непреодолимой любви к тому безвестному отечеству, о котором, не постигая сами тоски своей, мы скорбим и тоскуем почти со дня рождения нашего!» [3, с. 172]

Соборность проявляется в любви как отказе от всего «своего», от самого себя ради других, в самоотдаче [8]. Именно такой образ жертвенной любви создаёт М. Загоскин в своём романе, описывая всеобщий сбор средств на ополчение, когда «все граждане, наперерыв друг перед другом, отдавали свои имущества» ради святого дела защиты Отечества: «Неужели, умирая за веру христианскую и желая стяжать нетленное достояние в небесах, мы пожалеем достояния земного? Нет,

православные! Для содержания людей ратных отдадим всё золото и серебро...» [3, с. 171].

Соборность формирует собственный идеальный тип общности, представленный в романе братством Троице-Сергиевой лавры. Невероятное отражение жестокой осады монастыря актуализирует силу духовной составляющей народной борьбы: «Тридцать тысяч войска польского, под предводительством известных своею воинскою доблестью и зверским мужеством панов Сапеги и Лисовского, не успели взять приступом монастыря, защищаемого горстью людей, из которых большая часть в первый раз взялась за оружие; в течение шести недель более шестидесяти осадных орудий, гремя день и ночь, не могли разрушить простых кирпичных стен монастырских» [3, с. 228]. Эта победа способствовала возрождению веры в возможность только соборного одоления врага и всплеску религиозного упования на Промысел Божий.

Благодаря такому подходу борьба за родину окружается в романе ореолом святости, становится уделом не только ратных людей и православных мирян, но даже смиренных монахов. Образ Троицкой лавры, центра русского православия, становится у Загоскина символом невероятной духовной силы [5]. «Троицкая лавра святого Сергия, эта священная для всех русских обитель, показавшая неслыханный пример верности, самоотвержения и любви к отечеству, была во время междуцарствия первым по богатству и великолепию своему монастырем в России» [3, с. 227]. А потому пример, поданный ею, не только не осуждается в религиозных кругах, но становится единствен-

ным возможным путём спасения для всех православных: «...Сергиевская лавра, осаждённая войсками второго самозванца под начальством гетмана Сапеги и знаменитого налёта пана Лисовского, упорно защищалась; малое число воинов, слуги монастырские и престарелые иноки отстояли святую обитель. Этот спасительный пример и увещательные грамоты, которые благочестивый архимандрит Дионисий и незабвенный старец Авраамий рассылали повсюду, пробудили, наконец, усыпленный дух народа русского; затлились в сердцах искры пламенной любви к отечеству, все готовы были восстать на супостата, но священные слова: “Умрём за веру православную и святую Русь!” – не раздавались еще на площадях городских...» [3, с. 36]. Победа над поляками становится в романе следствием непоколебимой героической веры и беззаветного упования на волю Божию, проявившихся так явственно в русских, этого духовного единения мирян, духовенства, иночествующего чина, которое родилось во время осады монастыря. «Упование на господина и любовь к отечеству превозмогли всю силу многочисленного неприятеля: простые крестьяне стояли твёрдо, как поседевшие в боях воины, бились с ожесточением и гибли, как герои. Никто не хотел окончить жизнь на своей постеле; едва дышащие от ран и болезней, не могущие уже сражаться воины, иноки и слуги монастырские приползли умирать на стенах святой обители от вражеских пуль и ядер, которые сыпались градом на беззащитные их головы» [3, с. 228].

Идея соборности в романе проявляется не только в собирательных образах, но и находит свое выражение в поступках отдельных героев. Уже в самой би-

нарной структуре названия заключена «нераздельность» героя и национально-организма» [6, с. 68]. Как верно заметил И.А. Есаулов, герои, в «особенном» которых «заключено и всеобщее», совершенно свободно выбирают свои личные «пути, которые одновременно являются реализацией и сверхличного «предназначения», Промысла» [2, с. 33].

В романе подобное совпадение сверхличного долга с собственным свободным самоопределением можно увидеть в образах Авраамия Палицына, призывавшего своими речами народ к объединению в деле защиты Отечества, батюшки Еремея, ставшего предводителем партизан – «шишей», Козьмы Минина, инициатора ополчения. А вот сознаваемое главным героем, Юрием Милославским, противоречие между истинным христианским долгом защиты Отечества и личной присягой в верности польскому королевичу Владиславу становится сюжетообразующим конфликтом романа.

Таким образом, в романе Загоскина «Юрий Милославский» категория соборности воплощается несколькими способами: на уровне гражданского общества, монастырской братии, отдельных персонажей. Единство духовно-нравственных ценностей на всех этих уровнях свидетельствует о всеобщем духовном сплочении народа во имя сверхличностных идеалов – спасения и процветания государства Российского. Поэтому, описывая в своём романе эпоху Смутного времени, автор обращается именно к идее соборности, которая в переломные моменты истории Отечества всегда выступала ориентиром, служащим для разрешения общественных и политических противоречий.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Благова Т.И. Соборность как философская категория у А.С. Хомякова // Славянофильство и современность. СПб.: Наука, 1994. С. 177–192.
2. Есаулов И.А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1995. 288 с.
3. Загоскин М.Н. Сочинения: в 2-х т. Т. 1. Историческая проза. М.: Худож. Лит., 1987. 733 с.
4. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. СПб., 1894 [Электронный ресурс]. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Damaskin/tochnoe-izlozhenie-pravoslavnoj-very (дата обращения: 12.03.2015).
5. Лебедев А.Б. Соборность как выражение сущности человека в русской религиозно-философской традиции // Учёные записки Казанского государственного университета. Серия: Философские науки. 2004. Т. 146. С. 171–180.
6. Линьков В.Д. Роман М.Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году»: жанровый генезис // Культура и текст: сб. ст. СПб., 2001. С. 68–72.
7. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. Мн.: Изд-во В.М. Скакун, 1998. 896 с.
8. Пестрецов А.Ф. Соборность – константа русского национального самосознания // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2008. № 1 (9). С. 176–182.
9. Слободской С. Закон Божий. Руководство для семьи и школы. Киев, 2004. 800 с.
10. Сохряков Ю.И. Благодатный дух соборности: О соборном характере русского художественно-философского мышления // Москва. 1995. № 10. С. 168–173.
11. Троицкий Е.С. Что такое русская соборность? М., 1993. 104 с.
12. Успенский Н.Д. Соборность Церкви // Журнал Московской патриархии. 1959. № 7. С. 45–51.
13. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. Т. II [Электронный ресурс]. URL: <http://ribce.com/books/f269609> (дата обращения: 20.03.2015).
14. Христоролюбова О.В. «Русский Вальтер Скотт» и его роль в развитии русской исторической романистики // Проблемы гуманитарного образования: филология, журналистика, история: сб. науч. ст. Пенза: Изд-во ПГУ, 2014. С. 115–120.

REFERENCES:

1. Blagova T.I. Sobornost' kak filosofskaya kategoriya u A.S. Khomyakova [Unity as a philosophical category in A.S. Khomyakov] // Slavyanofil'stvo i sovremennost' [Slavophilism and modernity]. M., Nauka, 1994. pp. 177–192.
2. Esaulov I.A. Kategoriya sobornosti v russkoi literature [The category of sobornost in Russian literature]. Petrozavodsk, Izd-vo Petrozavodskogo un-ta, 1995. 288 p.
3. Zagoskin M.N. Sochineniya: v 2-kh t. T. 1. Istoricheskaya proza [Works: in 2 vol. Vol. 1. Historical prose]. M., KHudozh. lit., 1987. 733 p.
4. Ioann Damaskin Tochnoe izlozhenie pravoslavnoi very. SPb., 1894 [Elektronnyi resurs]. [John Damascene. Exact exposition of the Orthodox faith. St. Petersburg, 1894 [Electronic resource].] URL: http://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Damaskin/tochnoe-izlozhenie-pravoslavnoj-very (request date: 12.03.2015).
5. Lebedev A.B. Sobornost' kak vyrazhenie sushchnosti cheloveka v russkoi religiozno-filosofskoi traditsii [Conciliarity as an expression of the essence of man in Russian religious-philosophical tradition] // Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki. T. 146 [Scientific notes of Kazan state University. Series: Philosophical Sciences. Vol. 146]. pp. 171–180.

6. Lin'kov V.D., Roman M.N. Roman M.N. Zagoskina «YUrii Miloslavskii, ili Russkie v 1612 godu»: zhanrovyy genezis: sb. st. [Roman of M.N. Zagoskin «Yuri Miloslavsky, or Russians in 1612»: the Genesis of the genre: coll. papers] // Kul'tura i tekst [Culture and text]. SPb., 2001. pp. 68–72.
7. Noveishii filosofskii slovar' / Sost. A.A. Gritsanov [The latest philosophical dictionary / Comp. by A.A. Gritsanov]. Mn., Izd-vo of V.M.Skakun, 1998. 896 p.
8. Pestretsov A.F. Sobornost' – konstanta russkogo natsional'nogo samosoznaniya [Collegiality is a constant of Russian national identity] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki. 2008. no. 1 (9). pp. 176–182.
9. Slobodskoi S. Zakon Bozhii. Rukovodstvo dlya sem'i i shkoly [The Law Of God. A guide for families and schools]. Kiev, 2004. 800 p.
10. Sokhryakov YU.I. «Blagodatnyi dukh sobornosti: O sobornom kharaktere russkogo khudozhestvenno-filosofskogo myshleniya» [«The Holy spirit of catholicity: catholicity Russian artistic-philosophical thinking»] // Moskva. 1995. no. 10. pp. 168–173.
11. Troitskii E.S. Chto takoe russkaya sobornost'? [What is the Russian sobornost?]. M., 1993. 104 p.
12. Uspenskii N.D. Sobornost' Tserkvi [The Catholicity Of The Church] // Zhurnal Moskovskoi patriarkhii. 1959. no. 7. pp. 45–51.
13. Khomyakov A.S. Polnoe sobranie sochinenii. T. II [Elektronnyi resurs]. [Complete works. Vol. II [Electronic resource].] URL: <http://ribce.com/books/f269609> (request date: 20.03.2015).
14. Khristolyubova O.V. «Russkii Val'ter Skott» i ego rol' v razvitii russkoi istoricheskoi romanistiki [«Russian Walter Scott» and its role in the development of Russian historical romance] Problemy gumanitarnogo obrazovaniya: filologiya, zhurnalistika, istoriya: sb. nauch. st [The problems of Humanities: Philology, journalism, history: coll. sc. papers]. Penza, Izd-vo PGU, 2014. pp. 115–120.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гришина Алена Борисовна - соискатель кафедры «Литература и методика преподавания литературы» Пензенского государственного университета; e-mail: april-ka@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alena Grishina – applicant at the department Literature and methods of teaching literature in Penza State University; e-mail: april-ka@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Гришина А.Б. Художественное воплощение категории соборности в романе М.Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 1. С. 105–111.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-105-111

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

A. Grishina. ARTISTIC REALIZATION OF THE COLLEGIALLYTY CATEGORY IN THE M. ZAGOSKIN'S NOVEL "YURI MILOSLAVSKY, OR RUSSIANS IN 1612" // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian philology. 2016. № 1. P. 105–111.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-105-111